

Валентин Пикуль

Через тернии – к звездам

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Через тернии – к звездам

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Через тернии – к звездам / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«— ...моя жена не стала ждать, когда я расплачусь с долгами, и покинула меня, бедняка, ради богатого коммерсанта... Меня зовут Рихард, я – Рихард Вагнер... Это имя еще не звучало мятежным набатом, бравурные триумфы Байрейтских торжеств еще не прозвучали на весь мир, но зато к утру спасительный ветер наполнил старые штопанные паруса, и этот ветер подхватил музыканта на его пути в Россию. Вагнер дочитывал легенду о корабле-призраке, который, подобно ему, проклятый богами и обществом, стремился к новым заветным берегам и никак не мог достичь их...»

Валентин Пикуль

Через тернии – к звездам

Историческая миниатюра

Ветер раскачивал старый фонарь, который надсадно скрипел, едва освещая осклизлые ступени, ведущие в подвальную таверну. Древний ганзейский Любек давно погасил огни, а здесь, в ночной гавани Травемюнде, еще торговали трактиры – для моряков и одиноких пассажиров. Их задерживал в Любеке крепкий норд-ост, не позволявший кораблям выбраться даже за волноломы. Была ненастная осень 1837 года...

В дешевой харчевне коротал время молодой человек, просивший хозяина поджарить для него яичницу. Казалось, ему нет дела до перебранки матросов, готовых схватиться за ножи, и он со вниманием листал парижский альманах “Сален” Генриха Гейне; легенда о летучем голландце, миф о корабле-скитальце поражали воображение... Один из матросов – уже пожилой, с медной серьюгой в ухе – оторвал его от чтения.

– А ветер не унимается, – сказал он. – И денег у меня не осталось. Может, ты угостишь меня, приятель?

Молодой человек достал тощенький кошелек:

– Я всего лишь бедный музыкант, но... Почему бы и не поделиться? Надеюсь, талера вам хватит?

Матрос поймал в кулак сверкнувшую монету.

– Вы добрый человек, сударь, – отвечал он. – Бог воздаст вам завтра свежим попутным ветром... А куда путь держите?

– Меня ждут в Риге, но из-за ветра опаздываю.

– Вы, наверное, тамошний житель, сударь?

– У меня нет своего дома. Я перебрался, спасаясь от долгов, из Магдебурга в Кенигсберг, где служил капельмейстером, а теперь от прусских кредиторов бегу в русскую Ригу.

Матрос швырнул монету на прилавок и сказал:

– Э! Хорошо бегать холостому, а попробовал бы драпануть от чиновников короля с женою и скарбом.

– Я... женат, – уныло отвечал музыкант. – Но моя жена не стала ждать, когда я расплачусь с долгами, и покинула меня, бедняка, ради богатого коммерсанта... Меня зовут Рихард, я – *Рихард Вагнер*...

Это имя еще не звучало мятежным набатом, бравурные триумфы Байрейтских торжеств еще не прозвучали на весь мир, но зато к утру спасительный ветер наполнил старые штопанные паруса, и этот ветер подхватил музыканта на его пути в Россию. Вагнер дочитывал легенду о корабле-призраке, который, подобно ему, проклятый богами и обществом, стремился к новым заветным берегам и никак не мог достичь их... Только тьма, только холодный ужас людского отчаяния, и нигде не вспыхнет даже слабой искры надежды...

Там, где теперь расположена библиотека Академии наук ЛССР, ранее размещался Рижский театр, основанный еще бароном Отто-Генрихом Фиттинггофом, и уж поверьте: если это здание способно в наши дни выдерживать многие тонны книжной мудрости, то оно, конечно, не дало трещин от трубных гласов, которыми Вагнер излишне усиливал звучание своего оркестра... Генрих фон Дорн, сам опытный дирижер, кричал ему:

– Опять трубы! А где же нежные скрипки, поющие о любви? Зачем вы разрушили мелодию дерзким ударом в литавры?

– А что делать? – отвечал Вагнер. – Что делать, спрашиваю я вас, если мне было суждено родиться в том проклятом году, когда пушечные громы и молнии в битве при Лейпциге устранили одного великого тирана, дабы заменить его толпой мелких коронованных злодеев?.. Да, милый Дорн, я согласен с вами, что под мою оркестровку можно строить баррикады на улицах!

– К чему вы стремитесь, несчастный?..

– Через тернии – к звездам...

Рига показалась Вагнеру гораздо приветливее опостылевшего Кенигсберга; он вспомнил, что после тяжелого опыта службы в немецких театрах “организация рижского театрального предприятия действовала на меня приятно-успокаивающе”. Вагнер поселился в Старом городе на Кузнечной, среди старинных амбаров и сонных домов с конюшнями, где путались, образуя лабиринты, Малярная, Сапожная и Мясницкая, тупики которых уводили фантазию далеко-далеко – в древность. Пост директора Рижского театра тогда занимал Карл фон Гольтей – неудачный актер, зато удачливый делец-драматург.

Он огорчился сам, заодно огорчил и Вагнера:

– Не повезло! Я выписал из Берлина примадонну с богатыми туалетами, но она, к несчастью, увлеклась одним потсдамским гусаром, и я теперь не знаю, Рихард, какой смазливой бабенке можно доверить серьезные арии?

Вагнер положил на пюпитр свою дирижерскую палочку, на конце которой была миниатюрная женская ручка, вырезанная из слоновой кости.

– Моя свояченица Амалия Планер успешно пела в Берлине, а сейчас бедствует в Дрездене без ангажемента. Уверен, эта благородная девушка способна заменить вашу влюбчивую примадонну, правда, Амалия не имеет роскошных туалетов.

– Считайте, что ангажемент за нею, – решил Дорн...

Амалия Планер предупредила Вагнера, что в Дрездене недавно появилась его Минна; брошенная и несчастная, она собиралась писать ему, чтобы вымолить прощение. Вскоре Вагнер получил покаянное письмо от жены: рассказывая в своем легкомыслии, Минна уповала теперь на возвращение к Рихарду, которого она, увы, ранее недооценивала. Но теперь она радуется за него, ставшего дирижером в Риге, и рассчитывает получить его приглашение. (“Никогда прежде, – писал Вагнер, – я не слышал из уст Минны подобных речей... Я ответил, что между нами не будет произнесено ни единого слова о происшедшем, что всю вину я принимаю на себя”). Между тем в Риге у него завелся добрый приятель – молодой кавалерийский ротмистр Карл фон Мекк, поклонник симфонической музыки.

– Вы слишком уступчивы, маэстро, – сказал ротмистр. – Можно ли прощать женщине такие грехи?

– Милейший Карл, – отвечал ему Вагнер, – знакомы ли вам “Житейские воззрения кота Мурра”? Вчитайтесь в то место, где безумный капельмейстер Крейслер, обреченный на вечное страдание, взбунтовался против жалких условностей этого подлого мира... А я – тот же бунтарь Крейслер!

Наступил холодный октябрь, когда сестры Планер приехали в Ригу (“на мою новую родину”, записал Вагнер). Композитор ютился в тесной неуютной квартирке, а суровая патина бедности уже наложила на его жилье свой незримый отпечаток. Минна расплакалась и ушла горевать в спальню.

Амалия Планер жестоко насмехалась над своей сестрой:

– Наверное, даже кошка с мартовского карнавала не возвращается такой ободранной и жалкой, какой вернулась твоя жена из объятий богатого кавалера. Неужели простишь и на этот раз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.